

В.Н. ЗИНЬКО, А.В. КОТИНА, А.К. КАСПАРОВ
V.N. ZINKO, A.V. KOTINA, A.K. KASPAROV

ЖЕРТВЕННО-САКРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС С ЗАПАДНОГО ТЕМЕНОСА ТИРИТАКИ

SACRED-SACRIFICIAL COMPLEX FROM THE WESTERN TEMENOS OF TYRITAKE

В. Ф. Гайдукевич, возглавивший с 1935 г. Керченскую археологическую экспедицию ИИМК АН СССР, продолжил исследование Тиритаки и заложил новые раскопы в периферийных ее районах, из которых в предвоенные годы основным стал участок на западной окраине – раскоп XIV. Здесь на площади более тысячи кв. м были исследованы ранняя западная крепостная стена города и прилегающие к ней постройки первых веков н.э. В южной части участка впервые удалось непосредственно под этими постройками выявить два здания позднеархаического времени, из которых наибольший интерес представляет «дом А», встроенный в крепостную стену. Он состоял из трех помещений, из которых в крайнем западном были найдены терракоты женских божеств, керамический алтарь и прочая утварь, датируемая с 540-530 гг. до н.э. по первую треть V в. до н.э. В.Ф. Гайдукевич предположил, что здесь располагалось домашнее святилище [Гайдукевич, 1952, с.78]. На длительное время этот небольшой участок с позднеархаическими постройками оставался эталонным для характеристики ранней городской застройки Тиритаки.

Лишь в 2008 г. работы в этой части Тиритаки нами были возобновлены и через несколько лет раскопок на большей площади нового раскопа XXVII, включившего в себя центральную и южную части старого раскопа XIV В.Ф. Гайдукевича (рис.1), удалось выйти на ранее не исследованные позднеархаические слои города. Их изучение во многом изменили представление об этом участке позднеархаической Тиритаки, в первую очередь о времени возведения ранней западной крепостной стены [Зинько, 2015; 2020]. В то же время, учитывая результаты наших исследований квартала позднеархаических домов в центральной части города на раскопе XXVI [Зинько, 2014], стало понятно, что участок на западной городской окраине с самого начала застройки был выделен под иные цели. Анализ результатов старых и новейших раскопок представил возможность выдвинуть обоснованное утверждение, что на этой территории, площадью не менее 500 кв. м, располагался священный участок, получивший условное наименование «Западный теменос Тиритаки». Время его функционирования следует датировать с 540-530 гг. до н.э. и вплоть до рубежа эр, учитывая наиболее позднюю сакральную постройку в южной части священного участка [Зинько, Зинько А., 2020].

В позднеархаическое время Западный теменос представлял собой незастроен-

ную территорию (в настоящее время ее исследованная площадь определяется в 350 кв. м), ограниченную с севера и юга нежилыми постройками, а с запада – возведенной в последние два десятилетия VI в. до н.э. крепостной стеной¹. Восточная граница теменоса пока не определена и в значительной части разрушена во время военных действий 1943-1944 гг. (участок в восточной части раскопа XXVII). На всей территории теменоса исследовано значительное количество небольших зольных пятен с разбитыми чернофигурными сосудами и ям-ботросов². Одной из них, обозначенной нами в ходе раскопок как яма № 19, и посвящена данная статья. Она уже неоднократно упоминалась в публикациях одним из авторов [Zinko, 2014, р.58-59; Зинько, 2021], но полный анализ этого объекта дается впервые.

Этот закрытый археологический комплекс был исследован в 2012 г. и находился в восточной части теменоса (рис.1; рис.2). На древней дневной поверхности (на уровне 15,54 м) площади священного участка, представляющей собой плотно утоптаный слой светло-коричневого суглинка, четко прослеживалось темное круглое пятно заполнения ямы № 19. Она расположена на границе квадратов № 4 и № 18, около 0,75 м от южного борта раскопа XXVII. Верхняя граница ямы № 19 была частично уничтожена военной траншеей. В плане яма округлая, диаметром в устье около 1,70 м (рис.4). В разрезе яма трапециевидная, расширенная в нижней части. На уровне дна, находящегося на глубине около 14,20 м, диаметр дна ямы достигает около 2,00 м. Общая глубина ямы составляет 1,35 м, и она была частично впущена в материк.

Заполнение ямы № 19 состояло из сыпучего тёмно-коричневого грунта с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин моллюсков, а также фрагментов керамики. На уровне около 14,75 м в заполнении ямы прослеживается слой небольших камней мощностью около 0,10м. Непосредственно под ним на уровне около 14,65-14,60 м были открыты кости четырех лошадей³. В случае одной особи – в яму была сложена половина животного: передние ноги, фрагмент позвоночника, несколько рёбер и череп. В случае двух других коней – в яме сложены только черепа и передние ноги животных. Четвертая особь – жеребенок, представлен обломком челюсти и дистальными частями передних и задних конечностей. Черепа трех взрослых лошадей были размещены близ стенок ямы. Одна из них находилась в северо-западной части объекта, другая – с западной стороны, а третья – на восточной. Череп на северо-западе был уложен в восточном направлении, на западе – в западном направлении, а на востоке – в южном

¹ Стратиграфически установлено, что западная куртина строится после первого пожара города около 520-510 гг. до н.э., а слой следующего, второго пожара, датируемого 480-470 гг. до н.э., уже непосредственно соприкасается с каменной кладкой этой стены [Зинько, 2015, с.318].

² Анализ чернофигурных сосудов с теменоса (по 2019 г. включительно) представлен в каталоге А.Е. Петраковой и А.Г. Букиной [2021]. См. также статью А.Г. Букиной в этом выпуске БИ.

³ Публикацию костных останков лошадей см. в статье А.К. Каспарова в этом выпуске БИ.

направлении. На длинных костях одной из лошадей, находящихся в южной части ямы, на уровне 14,53 м был обнаружен фрагмент известнякового камня и бронзовый трёхгранный втульчатый наконечник стрелы II типа по Мелюковой (рис.5. 4) [Мелюкова, 1964]. В восточной части был сложен самый большой фрагмент конской туши – череп, передние ноги, а также часть позвоночника и грудной клетки животного. Элементов конского снаряжения не обнаружено. В центре, среди конских костей, находился слой раковин моллюсков. После изъятия конских черепов трех взрослых особей оказалось, что под каждым из них находилась перевернутая вверх дном чернолаковая чаша (рис.5 1-3). Ниже конских захоронений, располагавшихся на 0,30 м выше дна ямы № 19, характер заполнения объекта изменился. Уже отсутствовали древесные угольки, прослойки пепла, а также раковины моллюсков и кости рыб. Однако цвет грунта не изменился. В этом нижнем слое, на уровне 14,21 м, были обнаружены раковины моллюсков, покрытые красной охрой. На отметке 0,20м выше дна ямы, в её северной стене, находилась небольшая ниша высотой около 0,15м и глубиной около 0,10 м.

Материалы из заполнения ямы № 19 представлены, как уже отмечалось выше, костными останками четырех лошадей: особь № 1 – молоденькая самка, возраст менее одного года, почти жеребенок; особь № 2 – самка полувзрослая, примерно 4-х с небольшим лет; особь № 3 – взрослая самка, примерно 10-летнего возраста; особь №4 – старый самец, возраст примерно 17 – 20 лет. Особи № 2 и 3, возможно, взнуздывались металлическими удилами. Жеребенок и старый самец в обозримое время до смерти под удилами не ходили, возможно, лишь использование веревочного недоуздка. Лошади представлены в материалах заполнения черепами с нижней челюстью, одной правой грудной стенкой и концевыми частями конечностей, метаподиями и фалангами, которые были отчленены ножом, поскольку следов рубки нет. Ни запястных, ни таранных костей, ни пяточных нет, стало быть, они отрезались на более низком уровне. Прочие кости посткраниального скелета: позвонки, лопатки и другие трубчатые кости конечностей отсутствуют.

Также из заполнения ямы № 19 был взят на зоо-палинологический анализ грунт, который был подвержен флотации в ходе раскопок. Выбранный из него материал состоял из 164 небольших сколов костей крупных и мелких рогатых животных (большая часть костей была обожжена), костей и бляшек осетровых рыб. Кроме того, в результате проведенного археоботанического анализа макроскопических растительных остатков было выявлено 38 обожженных зерен неопределенных зерновых. Лишь удалось определить 3 обожженных зерна ячменя и 5 зерен пшеницы обыкновенной твердой.

Керамический материал из комплекса насчитывал 260 фрагментов, которые в количественном соотношении распределяется следующим образом: транспортная керамика – 186 фрагментов, столовая керамика – 61 фрагмент, лепная керамика – 13 фрагментов. Транспортная керамика представлена большим количеством (147шт.) стенок, среди которых выделяется несколько достаточно больших фрагментов не-

скольких тулов амфор⁴, а также 39 фрагментами профильных частей позднеархаических амфор. Среди последних большинство составляли пухлогорные амфоры Хиоса типа III-B (рис.6. 1,4,6), датируемые С.Ю. Монаховым $\frac{1}{4}$ V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.17], а также несколько экземпляров с воронковидным горлом типа III-B (рис.6. 2-3,5), датируемых С.Ю. Монаховым $\frac{3}{4}$ VI в. до н. э. [Монахов, 2003, с.15-16].

Продукция Лесбоса представлена преимущественно красноглиняными сосудами, среди которых наиболее ранним является фрагмент горла пифоидной амфоры типа I-A (рис.7. 1), датируемый С.Ю. Монаховым $\frac{3}{4}$ VI - $\frac{1}{4}$ V в. до н.э. [Монахов, 2003, с.48]. Остальные фрагменты лесбосских амфор следует отнести к типу I-C (рис.7. 2-3), датируемые С.Ю. Монаховым кон. VI- $\frac{1}{2}$ V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.49]. Амфоры неустановленных центров Северной Эгеиды («протофасосские») практически равны по количеству лесбосским. Они относятся к III и IV сериям этого типа тары (рис.8. 3-4) и датируются кон. VI-нач. V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.40-41]. Амфоры Фасоса и круга Фасоса представлены в меньшем количестве, однако и они хронологически однородны всему открытому амфорному комплексу в яме № 19. Эти фрагменты (рис.8. 1-2,5-6) датируются в пределах кон. VI- $\frac{1}{4}$ V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.60]. Находки фрагментов амфор Самоса (рис.7. 4-5) единичны и могут быть датированы кон. VI- $\frac{1}{2}$ V в. до н. э.

В группе столовой керамики можно выделить четыре категории: фрагменты сероглиняной и красноглиняной посуды, чернолаковые, а также восточногреческого происхождения. Среди первых двух категорий следует отметить фрагменты закраин мисок (рис.9. 1-2), а также фрагменты кувшинов (рис.9. 3-5). Чернолаковые фрагменты (9 шт.) незначительны и характерны для чаш и киликов. Восточногреческая посуда представлена всего одним сколом стенки чаши.

К лепной керамике относится всего 3 фрагмента венчиков лепных горшков (рис.9. 6-7) и 10 фрагментов стенок. Такая малочисленность лепной посуды характерна для всех комплексов позднеархаической Тиритаки. Этот материал настолько незначителен, что делать какие-либо этнокультурные выводы на нем практически не представляется возможным [Зинько, 2014, с.309].

В заключение обзора керамики отдельно следует остановиться на трех чернолаковых аттических чашах⁵, аккуратно положенных доньями вверх под черепа взрослых особей лошадей. Две из них (рис.5. 2-3): чернолаковые глубокие чаши с выпукло-вогнутым профилем, А. Г. Букина датирует второй четвертью V в. до н. э. В то же время отмечая, что большая часть таких аттических чаш с вогнутым профилем ножки относится к началу V в. до н. э., но производство продолжалось

⁴ К сожалению, в ходе камеральной обработки керамического материала реконструировать амфоры не удалось из-за малочисленности и нестыковки фрагментов.

⁵ Искренне благодарим А.Г. Букину за помощь и предоставленные материалы по датировке этих чернолаковых чаш.

до конца века (500 – 430 гг. до н.э.). Их никогда не было много, наверное, из-за хрупкости тонких стенок, подставки и лакового покрытия, которое обычно имеет сильный блеск [Agora 12, p. 130; cat. 809 – 814]. Третья – чернолаковая одноручная мисочка, отличается наличием петлеобразной ручки (рис.5. 1) и датируется А. Г. Букиной второй-третьей четвертью V в. до н. э. Судя по утолщенному венчику, изначально одноручная мисочка не задумывалась как чаша для питья, хотя это и не исключается. Таким образом, согласно датировкам А.Г. Букиной, все три чернолаковые чаши следует отнести ко второй четверти V в. до н.э. Судя по всему, это наиболее поздняя керамика из ямы № 19 и соответствует времени совершения некоего жертвенно-сакрального обряда жителями Тиритаки на общегородском священном участке.

Завершая обзор керамики из нашего закрытого комплекса, особо следует отметить, что он по составу и хронологии в основных чертах коррелируется с аналогичной керамикой из раскопок позднеархаических городских усадеб, открытых в центральной части города Тиритака [Буйских, 2014]. На позднем этапе они соответствуют строительной фазе II-Б (конец VI – первая четверть V в. до н.э.), которая завершается сильным пожаром и разрушениями, датируемыми 480 – 470 гг. до н.э. [Зинько, 2014, с.313 – 315]. Тем самым, в соответствии с керамическим материалом и общей стратиграфией городища время совершения уникального жертвенно-сакрального обряда жителями Тиритаки следует датировать самым началом второй четверти V в. до н.э.

Возвращаясь к уникальному для теменоса Тиритаки жертвенно-сакральному комплексу с лошадьми, следует отметить, что культ коня был хорошо известен как в Греции, так и в Скифии. В случае с последней, безусловно, значение коня в жизни скифов, как и других кочевых народов, переоценить невозможно, особенно велика была его роль в погребальном обряде. Конь не только доставлял покойного к месту захоронения, но и служил перевозчиком души в другой мир – в царство предков [Фиалко, 1996, с. 17].

Хорошо известен пассаж из «Истории» Геродота, в котором описывается обряд, проводимый спустя год после смерти скифского царя: убивали пятьдесят лучших слуг-юношей из числа свободных скифов и пятьдесят самых красивых коней, делали из них чучела и расставляли вокруг кургана, укрепив каждого коня па двух кольях и двух половинках колес [Herod. IV, 72]. Кроме того, «отец истории» указывает, что особое место в жертвоприношениях, производимых скифами, занимают лошади. «Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец верёвки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносят жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его... После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса» [Herod. VI, 60, 61].

По мнению Д.А. Мачинского, сюжет подобного жертвоприношения представлен на знаменитой серебряной чертомлыцкой амфоре⁶, которая иллюстрирует один из аспектов взаимопроникновения скифской и эллинской культур. Так, исследователь рассматривает в качестве божества, которому скифы могли приносить жертву, – Фагимасада, представленного на амфоре в образе головы «фантастического» коня со своеобразным «воротником», который можно понимать как исходящее сияние, и двумя расправленными крыльями [Мачинский, 1978, с. 238]. Геродот указывает, что «...этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы ещё и Посейдону. На скифском языке... Посейдон называется Фагимасад» [Herod. IV, 59]. Д.А. Мачинский замечает, что: «...На первый взгляд подобное утверждение Геродота кажется странным: каким образом коневоды и степняки могли иметь «национальное» божество, аналогичное морскому богу Посейдону? Однако это сомнение легко устранимо: известно, что функция морского божества является отнюдь не древнейшей в «биографии» Посейдона. В древности он был тесно связан с сушей (о чём говорит его эпитет «колебатель земли») и являлся покровителем скотоводства, в особенности коневодства, причём сам мыслился в образе огромного небесного жеребца, в виде которого он и предстал перед своими возлюбленными – Деметрой, Меланиппой и Медузой. Рождались от него зачастую также жеребцы. Так, Медуза родила крылатого коня Пегаса, отцом которого был Посейдон. И, конечно, именно эту древнюю функцию Посейдона имел в виду Геродот, когда сопоставлял его с национальным божеством царских скифов – Фагимасадом» [Мачинский, 1978, с.238]. И, хотя в классическую эпоху в греческом искусстве Посейдон не изображался в виде коня, образы, которые его окружали (Гиппокамп, Пегас), послужили для мастера, изготовившего амфору источником создания облика скифского божества, «покровителя коневодства, жеребца Фагимасада — Посейдона, которому приносится в жертву прекрасная кобылица» [Мачинский, 1978, с. 239].

С.С. Бессонова, анализируя наиболее значимые образы и композиции скифского искусства культово-мифологического содержания, приводит интересное изображение с оковки ритона из Мерджанского кургана, на которой изображена сидящая на троне богиня, всадник, а между ними – конский череп, надетый на кол. По мысли автора, кол с конским черепом свидетельствует о важной роли жертвоприношения коня в культе изображенного божества, подчеркивает важную роль головы коня в ритуале, а также выделяет хтонический характер персонажей [Бессонова, 1983, с. 111]. Стоит отметить иконографическую близость изображения богини на троне архаическим терракотовым статуэткам, которые хорошо известны в Нимфее, Пантикапее и Мирмекии, а также были найдены на Западном теменосе Тиритаки. Большинство исследователей ассоциирует их с Деметрой. В выработке иконографии этого культового образа большую роль

⁶ Исследователь также полагает, что чертомлыцкая серебряная амфора не использовалась в повседневности, а лишь в особых, торжественных случаях заключений союзов или проведения обрядов.

сыграла статуя Матери Богов работы Агоракрита, широко воспроизводившаяся по всему античному миру [Бессонова, 1983, с. 111].

Деметра – греческая богиня плодородия, заняла очень важное место в духовной жизни боспорян, в том числе и тиритакцев. О неочевидной, на первый взгляд, связи этого божества с культом коня в греческой традиции имеется свидетельство Павсания, в котором он описывает Черную Деметру с головой лошади из Аркадии: «...Другая гора, Элайон (Масличная), находится от Фигалии приблизительно на расстоянии 30-ти стадиев; на ней есть священная пещера так называемой Деметры Мелайны (Черной). 2. Всему тому, что рассказывают жители Фельпусы относительно сочетания Посейдона и Деметры, верят и признают и фигалейцы; только они говорят, что Деметра от этого брака родила не коня, а ту, которую аркадяне называют Деспойной. Говорят, что после этого Деметра в гневе на Посейдона и одновременно в печали о похищении Персефоны надела черные одежды и, уйдя в эту пещеру, на долгое время скрылась в ней. Когда вследствие этого погибло все, что производит земля, а также погибла от голода большая часть человеческого рода и в то же время никто из богов не знал, где скрылась Деметра... Фигалейцы говорят, что по этому случаю они решили считать пещеру священной пещерой Деметры и в ней поставили деревянную статую богини. Эта статуя, по их рассказам, была сделана следующим образом. Богиня сидит на скале, во всем подобная женщине, кроме головы: голова и волосы на ней – лошадиные, к голове у нее приделаны изображения драконов и других диких животных. На ней надет хитон, спускающийся до самых пят; в одной руке у нее дельфин, в другой – горлица... Когда древнее изображение погибло, то фигалейцы не поставили богине другой статуи и даже перестали выполнять многие обряды, связанные с ее праздниками и жертвоприношениями; за это бесплодие поразило их страну... [Paus. VIII, 42, 1 – 4].

У Павсания мы находим свидетельства связи культа коня и с другими греческими божествами. Древний автор, приводя описание жертвенников из Олимпии, упоминает «...жертвенники Посейдону Гиппию (Покровителю коней) и Гере Гиппии, а около колонны — алтарь Диоскурам. При входе в так называемый Корабельный нос с одной стороны находится алтарь Ареса Гиппия, с другой — Афины Гиппии» [Paus. V, 15, 4].

Следует отметить, что у древних греков, судя по данным мифологии, элементы культа коня прослеживаются начиная с середины II тыс. до н. э. Лошадь либо являлась частью ценного имущества, либо служила проводником в другой мир, либо была пищей во время церемониального поминального пира [Zinov'ev, 2011, p. 83]. Некоторые исследователи полагают, что греческая мифология демонстрирует очевидную связь между лошадьми и героями. Вероятно, это коренится в общей предрасположенности к антропоморфизации лошадей и сопутствующей гиппоморфизации людей и находит свое выражение среди наиболее узнаваемых фигур греческой мифологии – кентаврах [Kaliff, Oestigaard, 2020, с. 32].

О связи коня с культом героя имеются многочисленные свидетельства. Одно из

самых ярких находим у Гомера, в описании похорон Патрокла: «Там же расставил он с медом и с светлым елеем кувшины. Все их к одру прислонив; четырех он коней гордовыйных. С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная. Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было. Двух и из них заколол и на сруб обезглавленных бросил. Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных...» [Hom. II. 23, 170 – 175]. В контексте героического погребального обряда следует рассматривать и захоронения лошадей рядом с могилой человека (хозяина?), который практиковался в Греции в XII–VII вв. и в редких случаях до конца VI в. до н. э. и даже позже, сохраняясь и на окраинах, в первую очередь в Македонии [Иванов, Сударев, 2017, с. 182].

В целом, конские захоронения часто связаны со статусными, воинскими захоронениями как в Греции, так и на Боспоре. Находки захоронений лошадей (или их частей) на Боспоре хорошо известны. Практически все они в той или иной степени прочно связаны с некрополем и погребальной культурой. Захоронения лошадей встречаются рядом с захоронением человека или в непосредственной близости от него. При исследовании некрополей разного времени подобные находки хорошо известны: захоронение вблизи могилы хозяина на Нимфее (не ранее середины V в. до н. э.), погребения лошадей (или их частей), примыкавших к мужским погребениям на некрополе Волна-1 и Артющенко-2 (V в. до н. э.) [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с.82 – 96] и другие⁷.

Как отмечают некоторые исследователи, подобные захоронения «чаще всего рассматривают как признак, абсолютно чуждый грекам, и даже как признак прямого проникновения варваров в среду греческих колонистов и в состав знати Боспорского государства» [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с.82]. Однако в результате анализов материалов, полученных при раскопках некрополей Волна-1 и Артющенко-2, археологи отмечают: в первой половине V в. до н. э. в грунтовых некрополях Азиатского Боспора фиксируется традиция погребения лошадей к югу от могилы воина, которая сохраняется до середины – третьей четверти IV в. до н. э., проникая и на Европейский Боспор (Нимфей и мыс Ак-Бурун). Кроме того, у этой группы захоронений много общих черт и с памятниками Северной и Восточной Фракии, известными там с более раннего периода. Погребения с лошадьми, открытые на некрополях Европейского Боспора, по наблюдению исследователей, хотя и имеют отличительные черты, но тем не менее довольно близки подобным сооружениям именно Азиатского Боспора,

⁷ Исследователь А.В. Зиновьев, правда, на материалах, полученных при раскопках в Калининградской области (Замланд и Натанген), рассматривая их в контексте античного и средневекового символизма, представляет классификацию конских ритуальных захоронений, в которой выделяет 4 типа: **тип 1** – захоронения целых лошадей (это наиболее распространенный тип захоронений лошадей в Европе); **тип 2** – голова или голова с передними ногами (появляется позже, ок. V в. до н. э.); **тип 3** – разбросанные останки лошади (в том числе сожженные) в захоронении (это жертвоприношение часто сопровождалось разделкой других животных, таких как собаки, козы и курицы); **тип 4** – захоронение без лошадиных костей, но содержащее элементы узды или орудия труда. Считается, что такой тип появляется наиболее поздно и связывается с появлением в регионе христианства [Zinov'ev, 201, p. 25 – 35].

а не скифским погребениям Крыма [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с.91]. В итоге исследователи, учитывая хоть и немногочисленные, но имеющиеся свидетельства конских захоронений в собственно греческих некрополях, приходят к выводу, что захоронения лошадей на некрополях Боспора – это свидетельство чрезвычайно сложных этнокультурных процессов между представителями знати, и рассматривать их, вероятно, нужно через призму культуры элит [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с. 92].

В основном археологические свидетельства использования лошади в религиозной практике боспорян тесно связаны с погребальным контекстом. Однако в случае с конским жертвоприношением из Тиритаки его уникальность состоит, кроме прочего, в месте находки – это священный участок города, функционировавший долгий период времени, с 540-530 гг. до н. э. и вплоть до начала рубежа эр [Зинько, 2021, с. 26 - 27]. Единственной близкой аналогией нашему комплексу, известной на сегодняшний день на Боспоре, является неоднократно кратко опубликованная находка магической жертвы коня из Пантикапея. Несмотря на наличие ряда публикаций этой жертвы, считаем целесообразным еще раз обратиться к ней, остановившись на описании важнейших сходных и отличных деталей обряда жертвоприношения из Пантикапея и Тиритаки.

Авторы пантикапейской находки считают, что найденное в 2010 г. на Новом Верхнем Митридатском раскопе конское захоронение – жертвенное и датируется первой четвертью V в. до н. э. [Толстиков, 2011, с. 165; Толстиков, Муратова, 2013, с.188-189], а по публикации 2017 года они датируют пантикапейского коня второй четвертью V в. до н. э. [Толстиков, 2017, с.272-273]. Как бы то ни было, датировка в целом соответствует тиритакской находке. Сходны и места находки – теменос (однако в случае с Пантикапеем он располагался на акрополе города). По описанию автора раскопок, в непотревоженном культурном слое был открыт скелет коня, представленный фрагментами грудины и четырьмя конечностями с копытами. Череп отсутствовал. Еще одной отличительной чертой является наличие элементов сбруи – 29 мелких полусферических бляшек, три крупные прорезные бляхи в виде свернувшегося кошачьего хищника (пантеры?), а также крупная подвеска-лунница. Все декоративные элементы выполнены в скифском зверином стиле. Интересной особенностью также является упомянутое исследователем в докладе наличие под конским костяком горл трех эолийских амфор, вкопанных вертикально в землю и образовывавших в плане треугольник [Толстиков, 2011, с. 165]. В случае с захоронением из Тиритаки – под черепами коней были также обнаружены три чернолаковые чаши, перевернутые вверх дном⁸, их расположение также образовывало в плане треугольник. Вероятно, эта деталь, как и другие, не случайна. Как известно, в различных мифологических системах треугольник символизировал наряду с тремя космическими зонами также триаду: жизнь – смерть – новая жизнь [Бессонова, 1983, с. 108].

⁸ О значении перевернутых предметов в ритуальной практике неоднократно писали различные исследователи [Завойкин, Сударев, 2009, с.180; Винокуров, Крыкин, 2019, с.70].

В.П. Толстикова и М.Б. Муратова утверждают, что находку захоронения коня на пантикапейском акрополе можно классифицировать как sphagion – ритуальное заклание коня, а не обыденное жертвоприношение. В пользу этой гипотезы говорят отсутствие алтаря, выбор нетипичной жертвы, оставленные, несожженные останки, наличие элементов сбруи. Возможно, сбруя была оставлена из-за того, что это животное было не специально подготовленной жертвой⁹, а вражеским боевым конем, который должен был ассоциироваться с врагом. По мнению исследователей, возможно, это свидетельство симпатической магии, призванной защитить город и жителей от последующих нападений [Толстикова, Муратова, 2013, с. 190]. Предположение авторов и трактовка захоронения коня как элемента симпатической магии, на наш взгляд, вполне имеет основания. Тиритакское жертвоприношение вряд ли можно отнести к группе магических ритуальных закланий. По крайней мере, у нас отсутствуют сведения о наличии шкуры и какие-либо элементы сбруи. По всей вероятности, в отличие от пантикапейского тиритакские лошади были как раз специально подготовленной жертвой, о чем свидетельствуют особенности конструкции ямы-ботраса (наличие ниши, каменного заклада над уложенными лошадьми), специально подобранный состав погребенных особей (все они разновозрастные и символизируют в аллегорической форме весь состав табуна), наличие частей туш, традиционно оставляемых в дар богам, подсыпка из створок раковин водных моллюсков¹⁰ и охры, сопровождение жертвоприношения пиром (что подтверждают чаши, костные останки и стратиграфия комплекса в целом). Специалисты отмечают, что сакральный смысл трапезы хорошо известен и мясо животных в данном контексте служило как бы знаком преодоления, превращения природного в культурное [Тульпе, 1996, с.3].

В источниках и литературе описан древнегреческий обычай буфоний («убиение быка»), который совершался после сбора урожая и молотьбы и символизировал ежегодное умирание и воскресение бога. Основной сутью церемонии было принесение в жертву быка и его поедание. Так называемое богоядение – жертвоприношение священного животного, в котором воплощалось божество, для ритуального поедания

⁹ А. К. Каспаров в личной беседе высказывал мысль о том, что если сравнивать пантикапейское и тиритакское захоронения коней, то складывается впечатление, что в первом случае отнеслись к ритуалу конского погребения гораздо более небрежно, чем во втором. То есть просто поместили в яму крупные куски туши: заднюю часть с ногами, передние ноги и половину грудной клетки.

¹⁰ Среди вотивных даров особо следует выделить материалы природного происхождения, в первую очередь створки раковин водных моллюсков, которые были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди греческого населения архаическими представлениями о трёхчленной модели мира, где море выступало эквивалентом хтонической, нижней сферы. Раковины моллюсков, с одной стороны, выражали идеи изобилия, плодovitости и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, применялись в обрядах перехода, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира. В целом раковины моллюсков (морского гребешка, мидий, перловицы, каури) в ритуальной практике святилищ принадлежали кругу хтонических атрибутов [Кузина, 2020, с.49-52].

его мяса. Посредством богоядения человек приобщался к богу, его силе и благодати. Подобные жертвоприношения приносились не только Зевсу, но и Дионису (жертвенными животными чаще всего выступали быки или козлы), Деметре (приносили в жертву свиней). Важным свидетельством крупных жертвоприношений у греков являются так называемые гекатомбы, известные еще по произведениям Гомера: «Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы... Вечным богам совершали, под явром стоя прекрасны...» [Ном. II, 305]. Гекатомба – первоначально жертва из ста быков, в основном Зевсу либо Аполлону, затем вообще торжественное публичное жертвоприношение, независимо от числа и породы животных [Буркерт, 2004, с. 36].

После ритуального убийства животных небольшая часть туш сжигалась для богов, а оставшееся мясо использовалось для пира. «После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы, коз и тельцов сожигали у брега бесплодного моря; Туков воня до небес восходила с клубящимся дымом...» [Ном. II, I, 315]. В Афинах совершение гекатомбы было обязательной частью Панафиной. Лошадь, как отмечает ряд авторов, была нетипичной жертвой, хотя и очень ценной для богов. Считается, что именно конь, по целому ряду причин, стал заменой человеческих жертвоприношений [Килуновская, 1996, с.18], как бы следующей ступенью в развитии мировоззрения и ритуальной практики древних. Павсаний, кроме сведений, упомянутых нами выше, описывает жертвоприношение коня в Лаконике: «Если идти дальше, то будет так называемый «Могильный памятник коня»: принеся здесь в жертву коня, Тиндарей брал клятву с женихов Елены, заставляя их стоять на разрезанных частях жертвенного животного. А клялись они в том, что избранного Еленой себе мужа они будут защищать от всякой обиды. После принесения клятвы конь был тут же зарыт» [Paus. III, 20, 9].

Жертвоприношение наряду с молитвой и приношением вотивных даров было одной из важнейших форм поклонения божеству, являясь главным аспектом большинства ритуалов. Их обычно разделяют на частные и общественные – совершаемые представителями полисов, дем, триттий, родов и фратрий и служившие каким-либо общественно значимым серьезным целям [Кузьмина, 2013, с. 96]. В зависимости от уровня жертвоприношения – варьировалось и количество приносимых в жертву животных. Выделяют следующие этапы церемонии: 1) ритуалы, совершаемые до самого жертвоприношения (какие-либо подготовительные действия, напр., омовение и др.); 2) собственно жертвоприношение; 3) ритуальные действия, совершаемые после жертвоприношения (ритуальный пир) [Кузьмина, 2013, с.99]. Ю. Н. Кузьмина отмечает, что в целом на основании письменных и археологических свидетельств ясно, что структура и организация сакрального процесса на Боспоре и в Греции особенно не отличались. В нашем случае из Тиритаки жертвоприношение, без сомнения, общественно-общеполисное, и, как отмечалось выше, специально подготовленное.

Итак, исходя из свидетельств, которые указывают на наличие практики жертвоприношений лошадей в Древней Греции, а также из имеющихся в нашем распоряжении материальных данных, мы можем предполагать, что комплекс, содержащий

жертвоприношение и захоронение расчлененных четырех лошадей на теменосе Тиритаки, по-видимому, является материальным свидетельством общегородского сакрального ритуала, связанного с каким-то экстраординарным и судьбоносным для всего полиса событием. В церемонии, вероятно, принимали участие все взрослые мужчины, в первую очередь главы тиритакских семей¹¹, а сама она могла, предположительно, выглядеть следующим образом.

Первоначально происходило жертвоприношение (убиение или удушение) 4-х лошадей. Особо следует отметить их возраст и состав. В аллегорическом смысле они должны были символизировать весь состав табуна врага (?). Эти лошади, по утверждению одного из авторов, являлись лошадьми скифского типа и относились к восточно-крымской морфологической группе верховых коней. Все три взрослые лошади, принесенные в жертву, были весьма дороги и престижны по тем временам. Также напомним, что две из них (особь № 2 и особь № 3) долго ходили с металлическими удилами, а одна даже имела небольшое ранение (стрела в ногу). Все это, вероятно, свидетельствует, что эти лошади, могли участвовать в каком-то сражении или военном набеге. Поэтому их заклатие и очень аккуратное расчленение, судя по положенным в яму-ботрос частям, свидетельствуют как о важности и большой смысловой нагрузке этого ритуального действия, так и о высоком профессионализме исполнителей этого обряда. Наиболее мясные куски конских туш были оставлены для общегородского ритуального пира. Вероятно, одновременно происходило и сооружение на священном участке специальной ямы-ботроса для совершения самого сакрального обряда. Судя по заполнению ямы-ботроса, он состоял из нескольких фаз, которые призваны были символизировать определенные послания к тем или иным греческим богам или к одному конкретному богу, выраженные в положенных внутрь ямы материальных артефактов.

Напомним, что на дне были обнаружены створки раковин водных моллюсков, покрытые красной охрой, а чуть выше в стене была вырублена небольшая прямоугольная ниша. Какова могла быть сакральная смысловая нагрузка этой первой фазы совершения обряда обращения к богам? Как уже отмечалось ранее, раковины маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром и применялись в обрядах перехода, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира. Можно предположить, что это души убитых в сражении воинов-тиритакцев, а ниша – вход в Аид. Все это перекрывается прослойкой чистого (обращаем особое внимание!) грунта и происходит вторая фаза обряда. На слой чистого грунта в определенном порядке доньями вверх устанавливаются три чернолаковых чаши. О сакральности и смысловой на-

¹¹ Общая численность городского населения Тиритаки в это время определяется в пределах 2100 – 2900 жителей [Зинько, 2014, с.314]. Однако, если учитывать жителей неукрепленного предместья – поселение Аглофабрика (раскопки Ю.Ю. Марти, О.Д. Чевелева, А.В. Зинько), расположенного к западу от городских крепостных стен и существовавшего в VI – нач. III в. до н.э., то это количество увеличится.

грузке этого числа мы уже писали выше. Вряд ли эти чаши были пусты, вероятно, предварительно из них выливалось в яму-ботрос вино. Затем на каждую чашу были аккуратно уложены по отчлененной голове вражеских (?) взрослых лошадей и здесь же разложены отсеченные части всего аллегорического табуна, в первую очередь ноги этих скифских коней. Тоже какой-то символ? Вероятно, определенный посыл: «Не приходите и не топчите земли нашего полиса». Напомним, что в центре, среди конских костей, находился еще один слой раковин моллюсков. Однако в этом случае они уже не имели нанесенной на поверхность створок раковин красной охры.

Начинается третья фаза обряда. Все ранее помещенное в сакральный комплекс перекрывается слоем (толщина около 0,10 м) небольших камней¹². Возможно, это символ городской крепостной стены или побивания врага и его табунов, и каждый гражданин Тиритаки, участвовавший в обряде, принес этот камешек с собой и бросил в яму.

На этом, собственно, и завершается обряд жертвоприношения и определенных посланий к богам. А все затем переходят к последнему этапу – ритуальному пиру. Все, что связано с ним, прослеживается в верхней части заполнения ямы-ботроса, которое запечатало ниже расположенные слои. Это сыпучий грунт с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин моллюсков, а также фрагментов керамики. Вот так одному из авторов этой статьи представляется в общих чертах гипотетическая модель реконструкции уникального жертвенно-сакрального обряда на Западном теменосе Тиритаки, совершенного около 475 – 470 гг. до н.э.¹³ в ознаменование завершения судьбоносного для всего полиса события. Его можно с большой долей уверенности связать с победой, одержанной над напавшими на город врагами. Это нападение оставило четкие стратиграфические следы слоя пожара, содержащего большое количество наконечников стрел как у западной городской стены, так и в центральной части Тиритаки [Зинько, 2014, с.312].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гомер.* Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Л., 1990. 576 с.
Геродот. История. М., 1993. 600 с.
Павсаний. Описание Эллады. СПб., 1996. 652 с.
Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.
Буйских А.В. Амфоры и столовая посуда // в кн. Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Комплексы VI-V вв. до н.э. К.: АДЕФ, 2014. С.318 – 445.
Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб., 2004. 285 с.
Винокуров Н.И., Крыкин С.М. Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии:

¹² К сожалению, во время раскопок не был произведен подсчет и учет количества этих известняковых камешков.

¹³ Событиям, происходившим на Боспоре около 480 – 470 гг. до н.э., посвящено большое количество публикаций, что освобождает нас от освещения этого вопроса.

общее и особенное // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. М. Магнитогорск-Новосибирск, 2019. С. 56 – 92.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935 – 1940 гг. // МИА № 25. Боспорские города. М. Л., 1952. С. 15 – 134.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. Поселение и святилище Береговой-4. Итоги исследований в 1999 – 2004 гг. // Археологические открытия. 1991 – 2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 174 – 189.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Комплексы VI-V вв. до н.э. К.: АДЕФ, 2014. 596 с.

Зинько В.Н. Крепостные сооружения боспорского города Тиритака // БИ. Вып. XXXI. Керчь, 2015. С. 100–109.

Зинько В.Н. К вопросу о датировке ранних крепостных стен боспорского города Тиритака // Археологические вести. Вып. 29. СПб, 2020. С. 129 – 135.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // БИ. Вып. XLI. Керчь-Симферополь, 2020. С.133 – 146.

Зинько В.Н. Из ранней истории Тиритаки // Боспорские исследования. Вып. XLIII. Керчь-Симферополь, 2021. С. 22 – 43.

Иванов А.В., Сударев И.Н. Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // Древности Боспора. Т. 21. М., 2017. С. 160 – 189.

Кашаев С.В., Мимоход Р.А., Сударев Н.И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна-1 и Артющенко-2 // Археологические вести. Вып. 30. СПб., 2020. С. 82 – 96.

Кузина Н.В. Раковины в погребальной обрядности сельского населения Европейского Боспора: к вопросу об интерпретации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2020, № 1, с.49 – 56.

Кузьмина Ю.Н. Организация ритуалов и жертвоприношений в эллином святилище // Самарский научный вестник. № 4 (5). Самара, 2013. С. 96 – 100.

Мачинский Д.А. О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 232 – 240.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. – Вып. Д 1-4. М., 1964.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. – М. – Саратов, 2003.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII –XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток-Иркутск, 2004. С. 306.

Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства / Под общ. ред. В.Д. Кузнецова, В.П. Толстикова. М., 2017. 438 с.

Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.– Керчь, 2021.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972. 214 с.

Толстиков В.П., Муратова М.Б. К проблеме пространственного развития пантикапейской ойюкии в первой половине VI – первой половине V в. до н. э. // Вестник древней истории. 2013.

Тульпе И.А. Укрощенный хаос // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб, 1996. С. 3-4.

Фиалко Е.Е. Конь-оберег в погребальном обряде скифов // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб, 1996. С. 17 – 19.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1998. 958 с.

Яворская Л.В. Погребальные ритуалы по археозоологическим материалам // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). Волгоград, 2012. С.116 – 127.

Agora 12 – Sparkes В.А., Tallcott I. Black and Plain Pottery. The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies of Athens. – Vol. 12, 1970. 431 p.

Brown D., Anthony D. Bit wear, horseback riding and the Botai Site in Kazakstan // Journal of Archaeological Science. 998. Т. 25 № 4. P. 331 – 347.

- Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic / Medow R., Uerpman H.-P. // *Equids in ancient world. Beihefte zum Tubinger atl.des V.Orie.-Weisbaden: «Reihe A.»*, 1986. P.116 – 163.
- Kaliff, A. & Oestigaard, T. The Great Indo-European Horse Sacrifice: 4000 Years of Cosmological Continuity from Sintashta and the Steppe to Scandinavian Skeid. OPIA 72. Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. Uppsala, 2020. 400 p.
- Zinov'ev Andrei V. Horse burials of Samland, Natangen and adjacent areas in context of antique and medieval symbolic culture // *Archaeologia Lituana*. 2011. T. 12. P. 25 – 35.
- Zinko V.N. Tyritake in Archaic times // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. - Warzaw, 2014. P. 47 – 62.

REFERENCES

- Agora 12* – Sparkes B.A., Tallcott I. Black and Plain Pottery. The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies of Athens. Vol. 12, 1970. 431 p.
- Bessonova S.S. *Religioznye predstavleniia skifov. K.*, 1983.
- Brown D., Anthony D. Bit wear, horseback riding and the Botai Site in Kazakstan. *Journal of Archaeological Science*. 998. T. 25 № 4, pp. 331 – 347.
- Buiskikh A.V. Amfory i stolovaia posuda. //Zin'ko V.N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. II. Kompleksy VI-V vv. do n.e.* K.: ADEF, 2014, pp.318 – 445.
- Burkert V. *Grecheskaya religiya. Arkhaika ii klassika*. SPb., 2004.
- Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic / Medow R., Uerpman H.-P. Equids in ancient world. *Beihefte zum Tubinger atl.des V.Orie.-Weisbaden: «Reihe A.»*, 1986, pp.116 – 163.
- Fialko E.E. Kon'-obereg v pogrebal'nom obryade skifov. *Zhivotnye i rasteniya v miforitual'nykh sistemakh. Materialy nauchnoi konferentsii*. SPb., 1996, pp. 17 – 19.
- Frezer J. *Zolotaya vetv'*. M., 1998.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935 – 1940 gg. *MLA. № 25. Bosporskie goroda*. M. – L., 1952, pp. 15 – 134.
- Gerodot. *Istoriya*. M., 1993, 600 p.
- Gomer. *Iliada*. M., 1990, 576 p.
- Ivanov A.V., Sudarev I.N. Kurgan № 44/45 nekropolya Kep i ego mesto sredi drugikh pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskogo Bospora. *Drevnosti Bospora*. T. 21. M., 2017, pp. 160 – 189.
- Kaliff, A. & Oestigaard, T. *The Great Indo-European Horse Sacrifice: 4000 Years of Cosmological Continuity from Sintashta and the Steppe to Scandinavian Skeid. OPIA 72*. Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. Uppsala, 2020. 400 p.
- Kashaev S.V., Mimokhod R.A., Sudarev N.I. Pogrebeniya s loshad'mi v nekropol'yakh Volna 1 i Aryushchenko 2. *Arkheologicheskije vesti*. Vyp. 30. SPb., 2020, pp. 82 – 96.
- Kuz'mina Yu.N. Organizatsiia ritualov ii zhertvoprinoshenii v ellinskom svyatilishe. *Samarskii nauchnyi vestnik. № 4 (5)*. Samara, 2013, pp. 96 – 100.
- Machinskii D.A. O smysle izobrazhenii na chertomlytskoi amfore. *Problemy arkeologii*. Vyp. II. L., 1978, pp. 232 – 240.
- Melyukova A.I. Vooruzhenie skifov. *SAI. 1-4*. M., 1964.
- Monakhov S.Yu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel'*. M. – Saratov, 2003.
- Nikolaev V.S. *Pogrebal'nye kompleksy kochevnikov yuga Srednei Sibiri v 12-14 vekakh. Ust'-Tal'kinskaya kul'tura*. Vladivostok-Irkutsk, 2004. 306 p.
- Pantikapei ii Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva.* / Ed. Kuznetsov V.D., Tolstikov V.P. M., 2017. 438 p.
- Petrakova A.E., Bukina A.G. *Atticheskaya chernofigur'naya i chernolakovaya keramika Tiritaki*. SPb.-Kerch', 2021.

- Pavsanii. *Opisanie Ellady*. SPb., 1996. 652 p.
- Sokolova Z.P. Kul't zhivitnykh v religiyakh. M., 1972. 214 p.
- Tolstikov V.P., Muratova M.B. K problem prostranstvennogo razvitiya pantikapeiskoi apoikii v pervoi polovine VI – pervoi polovine V v do n.e. *Vestnik drevnei istorii*. 2013.
- Tul'pe I.A. Ukroshchennyi khaos. *Zhivotnye i rasteniya v mifiritual'nykh sistemakh. Materialy nauchnoi konferentsii*. SPb., 1996, pp. 3-4.
- Vinokurov N.I., Krykin S.M. Zhertvenniki dlya vozliyanii khtonicheski bozhestvam Bospora i Frakii: obshchee ii osobennoe. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. № 4. M. Magnitogorsk-Novosibirsk, 2019, pp. 56 – 92.
- Zavoikin A.A., Sudarev N.I. Poselenie i svyatilishche “Beregovoi-4”/ Itogi issledovaniy v 1990-2004 gg. *Arkheologicheskie otkrytiya. 1991-2004. Evropeiskaya Rossiya*. M., 2009, pp. 174 – 189.
- Zin'ko V.N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. II. Kompleksy VI-V vv.do n.e.* K.: ADEF, 2014, 596 p.
- Zin'ko V.N. Tyritake in Archaic times. *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus*. Warzaw, 2014, pp. 47 – 62.
- Zin'ko V.N. Krepostnye sooruzheniya bosporskogo goroda Tiritaka. *BI. XXXI. Kerch'*, 2015, pp. 100 – 109.
- Zin'ko V.N. K voprosu o datirovke rannikh krepostnykh sten Bosporskogo goroda Tiritaki. *Arkheologicheskie vesti*. Vyp. 29. SPb., 2020, pp. 129 –135.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Sakral'nyi kompleks iz raskopok bosporskogo girida Tiritaka. *BI. XLI. Kerch'-Simferopol'*, 2020, pp.133–146.
- Zin'ko V.N. Iz rannei istorii Tiritaki. *Bosporskie issledovaniya*. XLIII. Kerch'-Simferopol', 2021, pp. 22 – 43.
- Zinov'ev Andrei V. Horse burials of Samland, Natangen and adjacent areas in context of antique and medieval symbolic culture. *Archaeologia Lituana*. 2011. T. 12. P. 25 –35.
- Yavorskaya L.V. Pogrebal'nye ritually po arkeozoologicheskim materialam. *Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnykh arkheologicheskikh ii estestvennonauchnykh issledovaniy)*. Volgograd, 2012, pp.116 – 127.

Резюме

На основании анализа результатов старых и новейших исследований у западной крепостной стены боспорского города Тиритаки установлено, что здесь, на площади не менее 500 кв. м, располагался священный участок, получивший условное наименование «Западный теменос». Время его функционирования следует датировать с 540 –530 гг. до н.э. и вплоть до рубежа эр. В позднеархаическое время Западный теменос представлял собой незастроенную территорию (ее исследованная площадь определяется в 350 кв. м), ограниченную с севера и юга нежилыми постройками, а с запада – возведенной в последние два десятилетия VI в. до н.э. крепостной стеной. Восточная граница теменоса пока не определена. На всей территории теменоса исследовано значительное количество небольших зольных пятен с чернофигурными сосудами и ям-ботросов. Одной из них – яме № 19 и посвящена данная статья.

Этот закрытый археологический комплекс был исследован в 2012 г. и находился в восточной части теменоса. Заполнение ямы № 19 состояло из тёмно-коричневого грунта с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин, а также фрагментов керамики. В заполнении ямы прослеживается слой небольших камней, под который были открыты черепа и кости четырех лошадей. Под черепами трех взрослых особей находились перевернутые кверху дном 3 чернолаковые аттические чаши 2/4 V в. до н.э. Керамический материал из комплекса представлен фрагментами амфор (Хиос, Лесбос, Фасос,

Самос), столовой посуды и несколькими фрагментами лепных горшков. В соответствии с керамическим материалом и общей стратиграфией городища время совершения уникального жертвенно-сакрального обряда жителями Тиритаки следует датировать самым началом второй четверти V в. до н.э.

Культ коня был хорошо известен как в Греции, так и в Скифии. В случае с последней значение коня в жизни скифов, как и других кочевых народов, переоценить невозможно. Геродот указывает, что особое место в жертвоприношениях, производимых скифами, занимают лошади. У греков, судя по данным мифологии, элементы культа коня прослеживаются начиная с середины II тыс. до н. э. Лошадь либо являлась частью ценного имущества, либо служила проводником в другой мир, либо была пищей во время церемониального поминального пира. Археологические свидетельства использования лошади в религиозной практике боспорян тесно связаны с погребальным контекстом. Однако в случае с конским жертвоприношением из Тиритаки его уникальность состоит в месте находки – это священный участок города, функционировавший долгий период времени – с 540-530 гг. до н. э. В заключение статьи представляется модель реконструкции уникального общегородского жертвенно-сакрального обряда, совершенного в Тиритаке около 475 – 470 гг. до н.э. в ознаменование завершения судьбоносного для всех события.

Ключевые слова: Боспор, город Тиритака, Западный теменос, позднеархаический период, жертвенно-сакральный комплекс, культ коня в Греции.

Summary

Based on the analysis of the results of old and new research near the western fortress wall of the Bosporan city of Tyrítake, it was found that here, on an area of at least 500 sq. m, there was a sacred site, which received the code name 'Western temenos'. The time of its functioning should be dated from 540-530 BC, and up to the turn of the era. In the late Archaic time, the Western temenos was an undeveloped territory (its explored area is determined to be 350 sq. m.). It was bounded on the north and south not by residential buildings, and from the west, by the fortress wall erected in the last two decades of the 6th century BC. The eastern border of the temenos has not been determined yet. Throughout the entire territory of the temenos, a significant number of small ash spots with black-figure vessels, and pits-bothroi have been explored. This article is devoted to one of them – the pit number 19.

This closed archaeological complex was explored in 2012, and was located in the eastern part of the temenos. The filling of pit No. 19 consisted of dark brown soil with layers of ash and a high content of charcoal, animal bones, fish and shells, as well as fragments of ceramics. In the filling of the pit, a layer of small stones can be traced, under which the skulls and bones of four horses were discovered. There were three black-glazed Attic cups under the skulls of three adults. Those cups dated to the second quarter of the 5th century BC were turned upside down. Ceramic material from the complex is represented by fragments of amphorae (Chios, Lesbos, Thasos, Samos), tableware and several fragments of hand-made pots. In accordance with the ceramic material and the general stratigraphy of the settlement, the time of the performance of a unique sacrificial-sacred rite by the inhabitants of Tyrítake should be dated to the very beginning of the second quarter of the 5th century BC.

The cult of the horse was well known both in Greece and in Scythia. In cases with the latter, the

importance of the horse in the life of the Scythians, as well as in the life of other nomadic peoples, cannot be overestimated. Herodotus points out, that horses occupy a special place in the sacrifices made by the Scythians. Among the Greeks, judging by the data of mythology, elements of the cult of the horse can be traced from the middle of the second millennium BC. The horse was either a piece of valuable property, or served as a guide to another world, or could serve as food during a ceremonial funeral feast. Archaeological evidence of the use of the horse in the religious practice of the Bosporans is closely related to the funerary context. However, in the case of the horse sacrifice from Tyritake, its uniqueness lies in the location of the find - this is the sacred site of the city, which functioned for a long period from 540-530 BC. In conclusion, the article presents a model for the reconstruction of a unique citywide sacrificial- sacred rite performed in Tyritake around 470 BC in commemoration of the end of a fateful event for all.

Key words: Bosporus, city of Tyritake, Western temenos, late archaic period, sacrificial-sacred complex, horse cult in Greece.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма.
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
zinko@bf-demetra.ru

Котина Алла Викторовна, к. и. н.,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»,
РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50.
allakotina@mail.ru.
+79787775201

Каспаров Алексей Каспарович, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
заведующий лабораторией археологических технологий
Института истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб.,18,
191186, Санкт-Петербург, Россия.
alexkas@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zin'ko Viktor N. , DSc,
Leading Researcher,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology of the Crimea
Prospekt Vernadskogo, 4,
295007, Simferopol,
Russian Federation.
zinko@bf-demetra.ru

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Researcher,
Non-Profitable Foundation Demetra,
Krupskoy st., 50, Kerch, Republican Crimea,
Russia.
allakotina@mail.ru
+79787775201

Kasparov Aleksei, PhD,
senior researcher,
The head of Laboratory
of Archaeological Technologies of
Institut for History of Material Culture
of Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaia emb.,18,
191186 St.-Petersburg,
Russia.
alexkas@yahoo.com

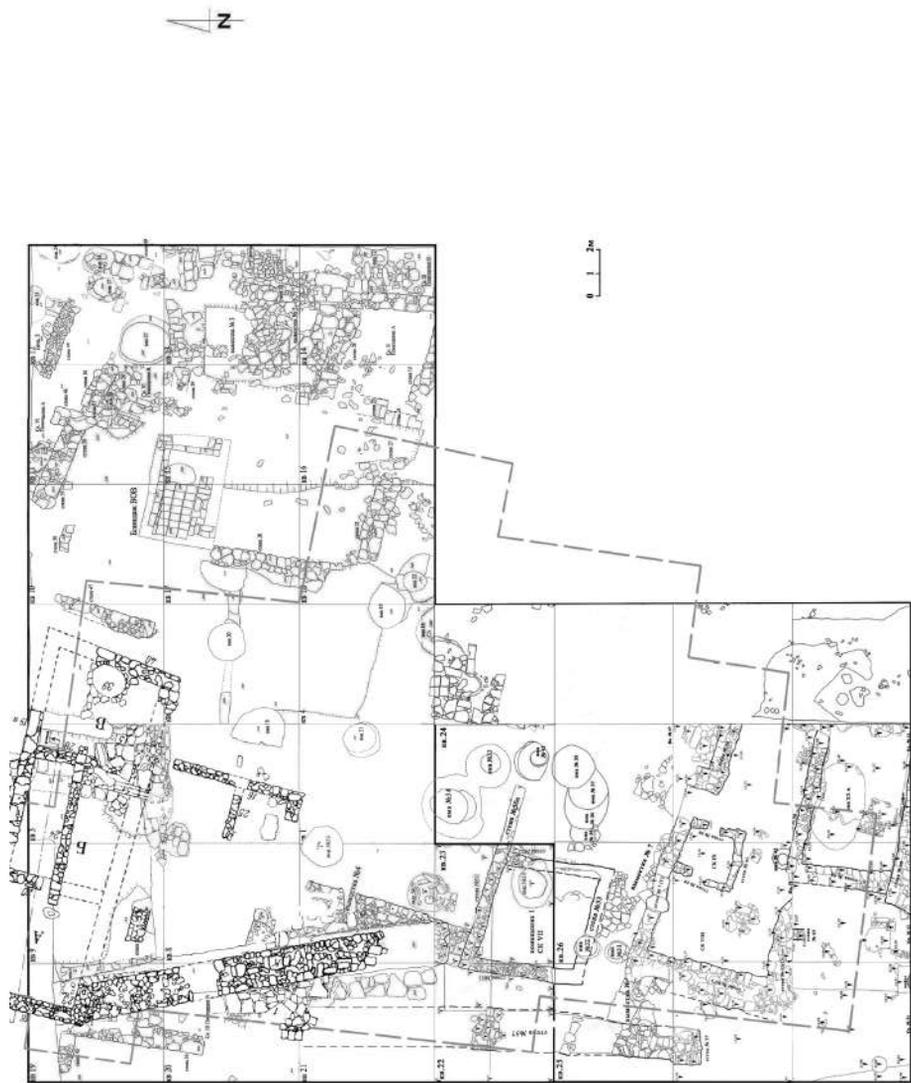

Рис. 1. Сводный план (раскопы XIV и XXVII) теменоса. Границы раскопа В.Ф. Гайдукевича показаны пунктиром.

Рис. 2. Южная и центральная части теменоса на раскопе XXVII, вид сверху. Фото 2018 г.

Рис. 3. Яма-ботрос № 19 в процессе расчистки. Уровень костей лошадей. Вид сверху.

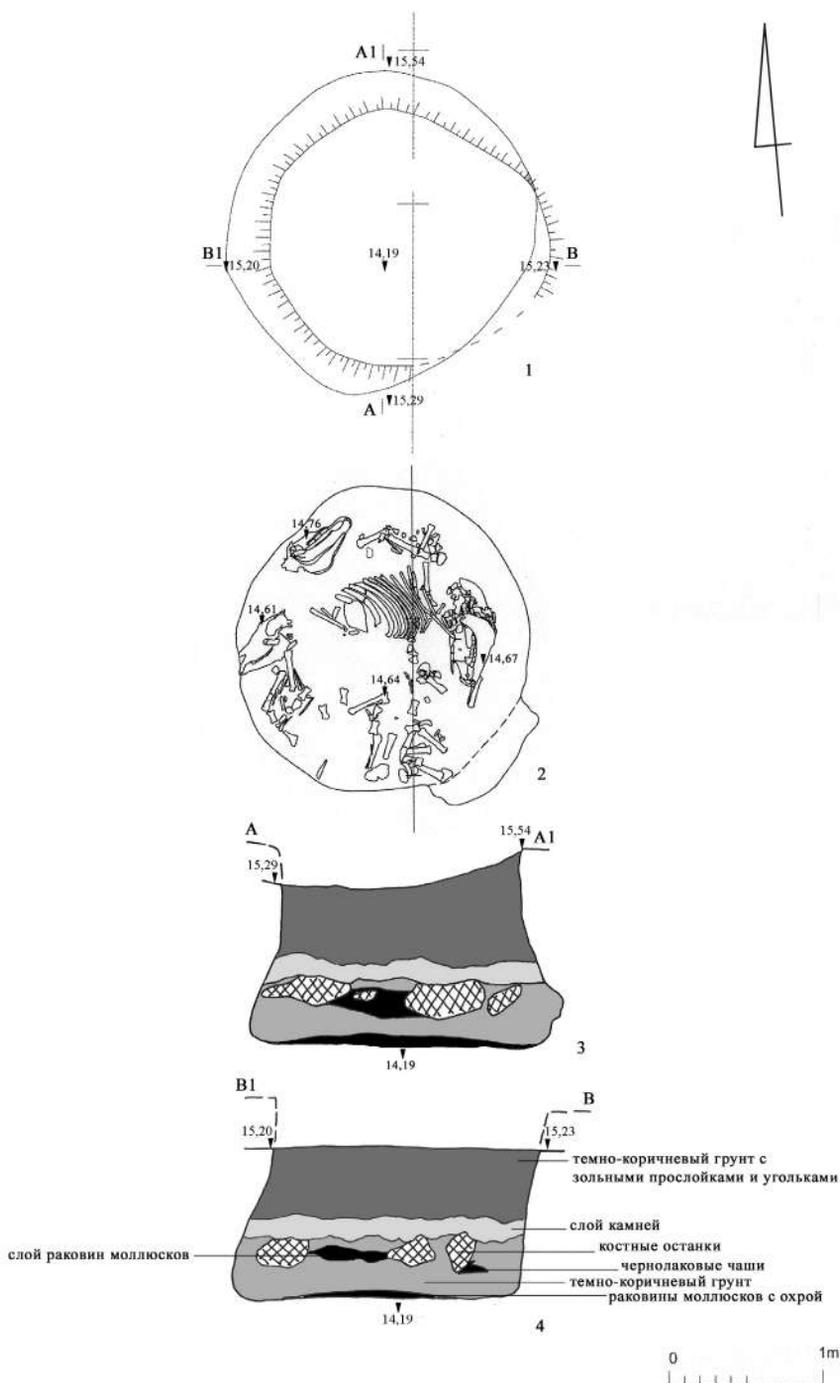

Рис. 4. Планы и разрезы ямы № 19.

Рис. 5. Чернолаковые аттические чаши (1 – 3) и бронзовый наконечник стрелы (4).

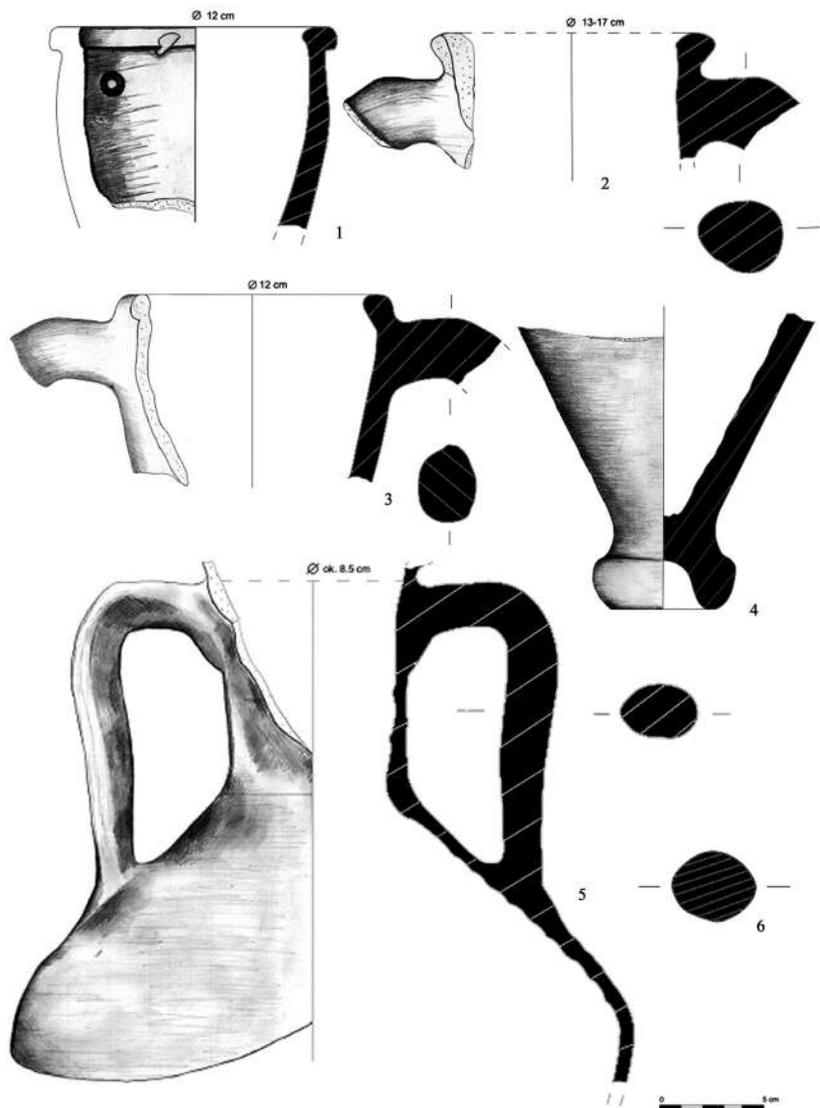

Рис. 6. Фрагменты амфор Хиоса:

- 1 – фрагмент горла пухлогорлой амфоры (тип III-B) с дипинто в виде кольца $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.
- 2 – фрагмент горла воронковидной амфоры (тип II) $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э.
- 3 – фрагмент горла воронковидной амфоры (тип II) $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э.
- 4 – ножка пухлогорлого варианта (тип III-B) $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.
- 5 – верхняя часть (горло с ручками и плечи) амфоры с воронковидным горлом (тип II) $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э.
- 6 – ручка пухлогорлого варианта (тип III-B) $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.

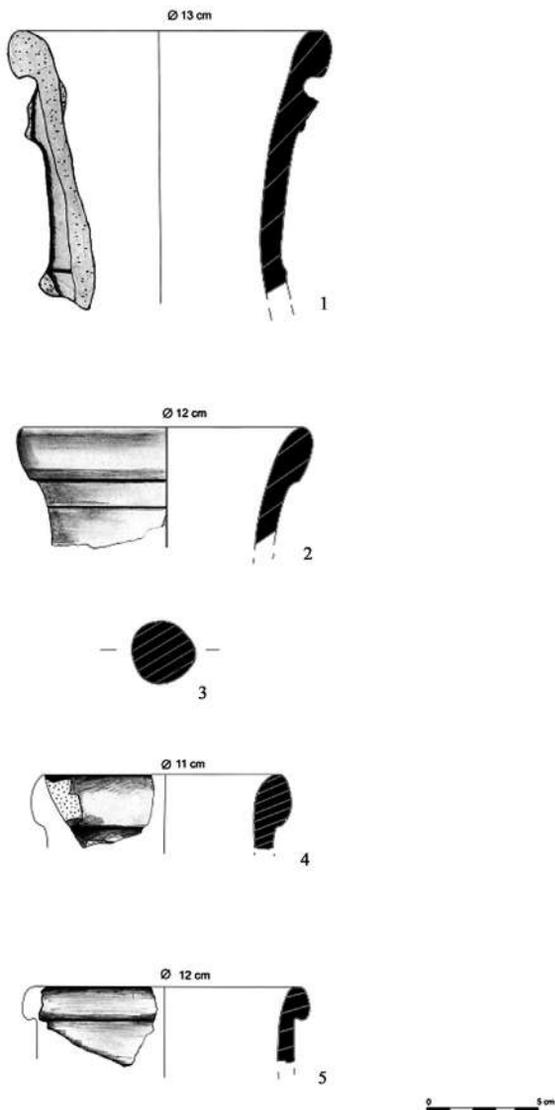

Рис. 7. Фрагменты амфор Лесбос, Самос:

1 – фрагмент горла лесбосской красноглиняной пифоидной амфоры (тип I-A) $\frac{3}{4}$ VI - $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.

2 – фрагмент горла лесбосской красноглиняной амфоры (тип I-C) кон. VI – $\frac{1}{2}$ V в. до н. э.

3 – фрагмент ручки лесбосской красноглиняной амфоры (тип I-C) кон. VI – $\frac{1}{2}$ V в. до н.э.

4-5 – фрагменты венчиков самосских амфор кон. VI – $\frac{1}{2}$ V в. до н. э.

Рис. 8. Фрагменты фасосских, «протофасосских» и амфор «круга Фасоса»:
 1-2 – фрагменты горл фасосских амфор $\frac{1}{2}$ V в. до н. э.
 3-4 – ножки протофасосских амфор кон. VI – нач. V в. до н. э.
 5-6 – фрагменты горл амфор «круга Фасоса» кон. VI – $\frac{1}{4}$ V в. до н. э.

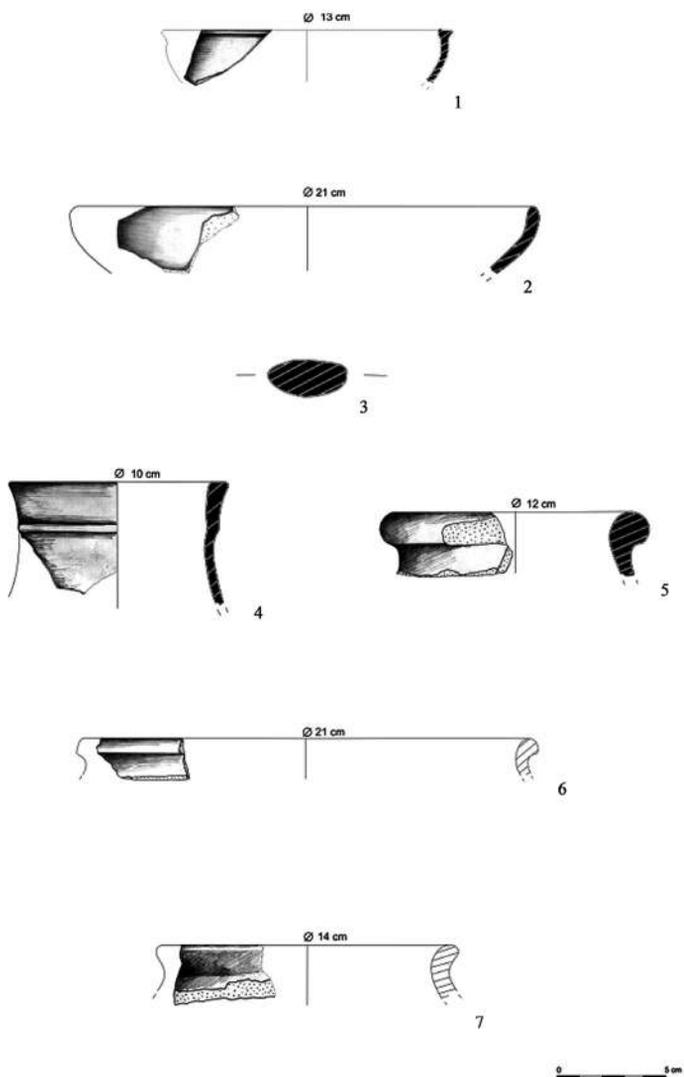

Рис. 9. Фрагменты столовой и лепной керамики:
 1-2 – фрагменты закраин красноглиняных мисок;
 3 – фрагмент ручки красноглиняного кувшина (?);
 4-5 – фрагменты венчиков сероглиняных кувшинов;
 6-7 – фрагменты венчиков лепных горшков.